

Евгений Войскуцкий

БАЛТИЙСКАЯ
САГА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
В 65

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Войскунский Е.

В 65 Балтийская сага : роман / Евгений Войскунский. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 800 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-32152-6

Первые книги Евгения Войскунского были написаны о войне, о временах его боевой юности, пришедшей на Великую Отечественную. Это логично: кому, как не ему, капитану 3-го ранга, кавалеру двух орденов Красной Звезды, участнику обороны Ханко и Ленинграда, писать о героях военных будней, приближавших нашу победу. Однако известность писателю принес роман «Экипаж „Меконга“», написанный в соавторстве с двоюродным братом Исаем Лукодьяновым, имевший подзаголовок: «Книга о новейших фантастических открытиях и старинных происшествиях, о тайнах Вещества и многих приключениях на суше и на море». Опубликованная в начале 1960-х, книга стала заметной вехой в отечественной фантастике и наряду с произведениями Ивана Ефремова, братьев Стругацких, Кира Булычева и других именитых фантастов имела значительный успех у читателей. Далее были новые сочинения в популярном жанре. Но время меняет ориентиры. Ушел из жизни соавтор. Сама эпоха пошла на слом. Жесткий реализм современности оттеснил фантастику в сторону. В новых своих романах Войскунский рассказывает уже не о «тайнах Вещества и многих приключениях на суше и на море», он возвращается к старой, военной теме, к «приключениям» (если их так можно назвать) реальным, пережитым им лично, повлиявшим на жизнь и судьбу писателя. «Кронштадт», «Мир тесен», «Румянцевский сквер» — эти и другие книги Войскунского посвящены мужеству и героизму воинов-балтийцев, подвигу ленинградцев, выстоявших в блокаду, автор делает в них упор на такие основные человеческие понятия, как долг, родина, ответственность человека перед настоящим и будущим. Но вершиной военной (и не только военной) прозы писателя стал эпический роман «Балтийская сага» — увы, последняя книга в его творческой биографии, — книга-панорама, книга — осмысление событий русской истории новейшего времени через жизнь нескольких поколений ленинградцев, связавших свою жизнь с флотом.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Е. Л. Войскунский (наследник), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-32152-6

...И даже тем, кто все хотел бы сгладить
в зеркальной, робкой памяти людей,
не дам забыть, как падал ленинградец
на желтый снег пустынных площадей.

О. Берггольц

...великие перевороты не делаются раз-
нуздыванием дурных страстей.

А. Герцен

Глава первая ОТ СУДЕБ ЗАЩИТЫ НЕТ

Вадиму было четырнадцать, когда его отец Лев Плещеев ушел из семьи. С ума, что ли, сошли? Так хорошо жили, большой семьей, и еще был жив дед, инженер-кораблестроитель Иван Теодорович Регель, мамин папа, человек с квадратной рыже-седой бородой и голубыми глазами.

К деду в выходные дни приходили играть в преферанс его друзья, тоже корабелы. Мама, Вера Ивановна, звала пить чай. Корабелы с шуточками рассаживались за старинным столом с фигурными ножками. Один из гостей, Котов, над которым посмеивались за то, что он носил суконные боты «прощай молодость», рассказывал о своем детстве в деревне.

— Папаша у меня, — говорил он глуховатым голосом, — был, звольте-деть, свирепый мужик с пудовыми кулаками. Чуть что не по нем — такой даст подзатыльник, что вылетишь через сени во двор и в плетень врежешься. Да-а, — рассказывал Котов, мелкими глотками отпивая чай, — руки у папаши тяжелые, нрав бешеный, а вот, звольте-деть, сподобился мне образование дать. Сам отвез в Боровичи, уездный город, там старшая дочь, моя сестра, значит, жила, замужем за пожарным. Да-а. Ну, реальное училище и так далее — до кораблестроительного факультета питерского политеха.

— Борис Кузьмич, — спрашивал Лев Плещеев, отец Вадима, — а верно, что вы дружили с Евгением Замятиным?

— Ну уж дружил! — отвечал Котов. — Взирал с почтением. Он, звольте-деть, был старше на пять лет.

Вступал в разговор, посмеиваясь, дед Иван Теодорович:

— Замятин окончил политех на два года раньше меня и преподавал по кафедре корабельной архитектуры. Уже война шла,

я на Балтийском заводе работал, и однажды заявился к нам Замятин по какому-то делу. Поздоровались мы, и я спрашиваю: «Евгений Иванович, у вас в рассказе „Алатырь“ почтмейстер-князь рассуждает, что эсперанто объединит весь мир и настанет всеобщая любовь. Он, этот князь, вами придуман или с натуры взят?» Замятин, хе-хе, посмотрел на меня иронически и говорит: «Голубчик, я забыл логарифмическую линейку, будьте любезны, дайте мне свою на полчаса».

И заговорили они, корабелы, о Замятине горячо. Одни осуждали за то, что покинул Россию, другие выражали понимание: мол, писателю нужна свобода... «полноте, сударь, никто ему не мешал...» — «да как же не мешали?» — После „Уездного“ ничего крупного не написал...» — «Да-а, „Уездное“... звольте-деть, его Анфим Барыба в-точь был как у нас в уезде урядник... такая же страшная фигура-с...» — «Ну да, еще бы — воскресшая русская каменная баба... беспощадный каратель...»

— Борис Кузьмич, — остро глядел сквозь очки на Котова отец Вадима, — я бы хотел написать очерк о вас для «Ленправды».

— Чего вдруг? — медленно удивился Котов.

— Вы, Борис Кузьмич, прямо-таки воплощение человека из низов, которого советская власть...

— Полноте, сударь. Я, конечно, от ворон отстал, но к павам не пристал-с.

— Да какие павы? Их нет давно.

— Прежних нет, а новые появились. Не надо никаких очерков.

Когда корабелы, закончив преферансную пульку, разошлись по домам, Вадим слышал, как дед сказал папе:

— Лева, не приставай к Котову. Его проект засекречен, цензура не пропустит статью о нем.

(Лишь годы спустя Вадим узнал, что дядя Котов, человек с незаметным «простонародным» лицом, небрежно одетый, в старомодных суконных ботах, был одним из конструкторов первых советских сторожевиков. Целый дивизион этих кораблей скатился со стапелей на балтийскую воду — «Ураган», «Снег», «Буря», «Тайфун» и другие, тоже с неприятными названиями. Прозвали их на флоте «дивизионом хреновой погоды» — вообще-то, не «хреновой», а иначе.)

Лев Плещеев, сын уездного землемера из Олонца, гимназию окончил в Петрограде в шестнадцатом году и, по его словам, «кинулся в революцию». Нет, шашкой не махал, не мчался в конной лаве на беляков, но повторял полюбившиеся строки Багрицкого: «Нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед». Да и сам с молодых лет сочинял стихи, потом на прозу перешел. Слог у Льва был, как тогда требовала жизнь, вздыбленная революцией, возвышенный, исполненный патетики, — его очерки стали печатать в «Красной газете». Так оно и пошло — Лев Плещеев сделался в Петрограде—Ленинграде заметным журналистом.

Но главным событием своей жизни он считал именно *кронштадтский лед*. В памятном двадцать первом году учился Плещеев на морских командных курсах. В марте вспыхнул в Кронштадте мятеж, несознательная матросня — клёшники поддались антисоветской агитации бывшего царского генерала, ну и, конечно, анархисты и эсеры там устроили бузу. Пришлось стягивать на северный берег, к Сестрорецку, и на южный, в Ораниенбаум, верные советской власти войска. На ультиматум, подписанный самим предреввоенсовета республики Троцким, мятежники, наглости набравшись, не ответили. Командарм 7-й армии Тухачевский отдал приказ о взятии Кронштадтской крепости штурмом.

Группа курсантов, в их числе и Плещеев, в составе сводного полка в ночь на 8 марта сошла с южного берега на лед и двинулась к Кронштадту. Идти было трудно, лед сверху подтаял, под ногами хлопала вода, курсанты оскользались, тихо матерились. Как ночные привидения, брели в белых халатах, надетых для маскировки. Однако дозоры мятежников разглядели их. Заметались прожекторные лучи. И началось такое...

Кронштадт бил тяжелыми орудиями (два линкора же там взбунтовались), разрывы снарядов буравили лед, выбрасывая гигантские фонтаны дыма, огня и воды, небо рвалось и грохотало, пульсировало багровыми вспышками — да нет, невозможно пройти — к чертовой матери...

Плещеев потерял себя. Да и не он один. Повернул и, пригнувшись, пустился бежать назад, к южному берегу, к спасению...

Какое там!.. Размахивая наганом, встала, освещенная прожектором, огромная фигура в белом, черные усищи поперек красного лица.

— Куда-а, так вашу мать! — заорал ротный, покрывая грохот разрыва. — Застрелю, так вашу пушку-бляшку-р-растакую...

Опомнился Плещеев — ну красный же боец, — пересилил себя, побрел сквозь огонь на крепость Кронштадт...

Нет, не прошел в ту ночь сводный полк, только-только зацепился за берег Котлина, две роты потерял — отступил. Шедший левее 561-й стрелковый полк тоже не прошел, и говорили, что один его батальон передался мятежникам. Части северной группы, наступавшие с Лисьего Носа, тоже не имели, как говорится, успеха. Да какой там успех, если в Кронштадте пушек — как у ежа иголок, разве подступишься?

Прибыло в Ораниенбаум пополнение — свежая 27-я дивизия, так в трех ее полках бойцы замитинговали: «Не пойдем на лед!» «Самого» товарища Дыбенко отказались слушать, как он стал кричать и совестить их. Конечно, по революционной строгости, их разоружили, арестовали зачинщиков — ну, как положено.

Но мятеж-то подавить надо. Красная Горка, переименованная в форт Краснофлотский, ударила по Кронштадту. Вступили и другие тяжелые орудия, подвезенные на северный и южный берега. Аэропланы полетели, сбросили тысячи фунтов бомб, норовили в линкоры попасть — «Петропавловск» и «Севастополь». Кронштадт, конечно, отвечал тяжеловесным огнем.

А красный боец курсант Лев Плещеев, вы поймите правильно, был сам не свой: не мог себе простить, что струсил там, на льду. Стыд и позор! — корил Лев себя, с головой накрывшись жидким одеялом в нетопленной казарме в Ораниенбауме, в Военном переулке. Вот крикнуть бы сейчас: «Товарищи бойцы! Друзья-курсанты! Перестаньте храпеть... взгляните на меня... Мечтал в пламенные герои... ну как же, „выросли мы в пламени, в пороховом дыму“... а получилось — „бежал Гарун быстрее лани...“. Но послушайте, братья! Никогда, никогда больше не повторится, чтоб я, Лев Плещеев, повернул вспять и побежал с поля боя... Никогда!»

И верно: в ночь на 17 марта, когда снова пошли на штурм красные полки, он, Лев Плещеев, шел по льду наравне со всеми,

можно сказать, призраками в белых халатах, шел сквозь прожекторный свет, сквозь огонь, обходя воронки — полыньи с черной водой. А воды было на льду с пол-аршина, почти по колено, оттепель же, страшное дело... Падали, сраженные осколками снарядов, в воду... Но те, в кого не попали, шли и шли врассыпную... В обход форта... как его, «Милютин»... Вот из тумана проявился темный котлинский берег, дома, трубы, а левее что-то горело.

Ноги не шли, усталость страшная... А с берега — уже и пулеметный огонь... «Вперед, вперед!» — дико орет кто-то... Да уж, не назад же... Кто назад повернет, тот на цепь заградотряда нарвется, и привет... «Вперед! Даешь Кронштадт!»

Под утро уцелевшие бойцы южгруппы прорвались в Кронштадт. Долго бились у пристаней. Еще помнил Плещеев, как в конце дня заняли водокачку.

Сам не свой был красный боец Лев Плещеев — не только от страшной усталости, но и от подавленного внутри себя страха. Перебежками продвигались по какому-то переулку. Из двух неосвященных окон били из винтовок. Плещеев залег в яму, среди вывороченных разрывом снаряда булыжников, и стрелял в те окна, пока в подсумке не осталась последняя обойма. Но и оттуда, из окон, огонь редел. Грязный мокрый маскхалат Лев давно сбросил. Бушлат тоже был мокрый насквозь — весь он, красный боец Плещеев, состоял из мокрых костей и голодного ледяного нутра. И сил никаких уже не было, вот заснуть бы в этой чертовой луже...

— Пошли! — крикнул рябой Карпухин, командир отделения. — В тот подъезд! — И ткнул Плещеева прикладом в плечо. — А ну, подымайся, лохматый!

Втроем — Карпухин, Плещеев и молодой курносый боец, беспрерывно сплевывающий, — поднялись по темной лестнице, по скрипучим ступенькам, на второй этаж, вышибли дверь и вошли в квартиру. И тут было темно, электрическая станция не давала света, только в кухне слабо светило.

Ворвались в кухню. Там женщина в сером, нагнувшись, бросала поленья в горевшую плиту; ребенок, босой, одетый тоже во что-то серое, держался за длинную ее юбку и тоненько пищал, скулил.

— Кто тут стрелял?! — свирепо заорал Карпухин.

— Что ты, что ты, никто не стрелял, — быстро заговорила женщина. У нее голова была повязана старушечьим темным платком, но лицо молодое, глаза испуганные. — Что ты, солдатик, как можно... никто не стрелял...

— Карпухин, сюда посвети! — Плещеев разглядел винтовочные стреляные гильзы в углу. Было похоже, что гильзы впопыхах затолкали под комод, но две штуки не успели, что ли, запихнуть.

— Ну точно! — гаркнул отделенный. — И воняет порохом.

Ворвались в комнату, заставленную темной мебелью. На кровати сидела старуха, по виду ведьма: нос крючком, глазищи недобрые. На другой кровати кто-то спал, завернувшись с головой в одеяло с синей полосой в ногах.

— А это кто? — Карпухин поставил лампу на стол и ткнул спящего в плечо. — А ну, вставай!

— Не трожьте его, — прошамкала старуха, — он больной... старый... заразный он...

Карпухин тряс спящего:

— Больной, не больной, один хер, вставай!

Курносый боец откинул одеяло там, где ноги спящего, — ноги были обуты в короткие сапоги. Карпухин сдернул одеяло, заорал:

— Вставай, гребаный!

Спящий — никакой не спящий он был — медленно сел на кровати. И никаким не был стариком — ну, лет сорока, крепкий мужичок с желтой встрепанной волосней и усами. В мятом темно-сером пиджаке. Исподлобья глянул на Карпухина.

А тот — неистово:

— Ты стрелял из окошка?!

Из-под желтых усов — хриплое:

— Нет.

— А почему одетый-обутый под одеялом? — Карпухин вдруг схватил мужичка за руку. — Вот! — У мужичка между большим и указательным пальцами была наколка — синий якорек. — Вот! — орал Карпухин. — Клёшник, так твою мать! Куда винт упрятал?!

Дернул желтоусого за руку, тот вскочил, оказавшись чуть не двухметрового роста, — в следующий миг Карпухин отлетел от удара в лицо, повалился на колени старухи-ведьмы, та —

в крик, и молодуха в дверях — в крик, а желтоусый выкрикнул: «Сволочи! Революцию загубили, гады!» — и кинулся к двери, но курносый боец, живо вскинув винтовку, выстрелил, и Карпухин стрельнул из своей. Мужичок коротко застонал и рухнул ничком у ног молодухи.

— А-а-а-а!.. — завопила она, упав на колени над дернувшимся и замершим телом. Босой ребенок рядом с ней визжал, широко разевая рот.

Карпухин, с разбитым до крови рябым лицом, оттолкнул женщину и перевернул мужичка на спину. Тот лежал без дыхания, без жизни, в мятом пиджаке, из ворота которого виднелась матросская тельняшка.

— Всё, — сказал Карпухин. — Приказ был: кто с оружием, тех в плен не брать, а на месте... Пошли! — скомандовал он.

Курносый боец сплюнул и двинулся за ним. Пошел и Плещеев, еле передвигая ноги, словно схваченные ужасом.

Бальмонт был виноват. Да, тот самый Константин Бальмонт, символист знаменитый.

На курсах была библиотека, небольшая, из случайных книг, вывезенных из буржуйских домов. Такая блажь пришла в голову начальнику курсов: мол, пусть курсанты, будущие командиры Красного флота, читают не только наставления по морскому делу, но и книжки — ну, конечно, такие, в которых нету контрреволюции. За библиотекой присматривала, выдавала книжки курсантам девица Вера. Тихая, голос тонкий, а еще тоньше — талия, вокруг которой, наверно, можно было сомкнуть пальцы двух рук. Черная челочка ниспадала на огромные, в пол-лица, глаза, а в глазах такая разлита голубизна, какая в петроградском небе бывала только на Пасху (само собой, в старое время).

Курсант Лев Плещеев и утонул в этих голубых озерах, в глубине которых мерцало что-то такое... непонятное... Он и вообще-то имел пристрастие к чтению книжек, и особенно — к стихам. А тут еще и голубоглазая дева, будто сошедшая со старых рождественских открыток (были такие у плещеевской богомольной мамы — там, в Олонце). Говорили промеж себя курсанты, что эта Вера с немецкой фамилией Регель была дочерью корабельного инженера с Балтийского завода, на котором прежде

работал слесарем-сборщиком товарищ Акимов, ныне начальник курсов. И вроде бы папа ее, Регель, сидел, понятное дело, в Чека. Но кто-то из новой власти (да не сам ли Акимов?) поручился за него, что он не эксплуататор трудового народа, и спас от неминуемого расстрела.

Так ли, нет ли, а Лев Плещеев в юную деву Веру влюбился с первого взгляда. Женская красота на него сильно действовала, — еще учась в гимназии, он это понял. А тут к тому же Бальмонт...

Надо сказать, что у папы Плещеева, олонецкого землемера, стояли на полке книжки не только относящиеся к его земельной профессии, но и сочинения Некрасова, Пушкина, Лермонтова, Жуковского. Стоял, между прочим, и томик Плещеева Алексея Николаевича — нет, родства между ним, дворянином, хоть и опальным, и разночинцем-землемером не было никакого, просто однофамильцы (хотя, допускал землемер, что кто-то из предков мог быть крепостным у предков поэта, а ведь крепостным, бывало, давали фамилию барина). После Некрасова и Кольцова был Алексей Плещеев любимым поэтом олонецкого землемера. «Вперед без страха и сомненья», — часто напевал он плещеевское стихотворение, считая его (и, вероятно, справедливо) «Марсельезой» поколения петрашевцев.

От папаша, верно, и унаследовал Лев Плещеев любовь к русской поэзии. А тут, на курсах, в тесной библиотеке, высмотрел он книжку стихов «Будем как солнце» Константина Бальмонта и принял ее из маленьких рук голубоглазой девы как дар своей нравной судьбы.

Надо сказать, что и она, Вера Регель, обратила внимание на этого курсанта с давно не стриженной рыжеватой гривой, с правильными чертами юного лица, несколько подпорченными восторженным выражением карих глаз. В комнатке, заставленной книжными полками, сидела Вера за столиком, какие в буржуйских домах называли ломберными, и с неясной улыбкой на розовых губах слушала, как этот курсант пылко говорил:

— В великое время живем, товарищ Вера! Перестройка всей жизни идет.

— Вы правы, товарищ курсант, — тонким голоском отвечала дева. — Только вот — печки нечем топить. Как бы не замерзнуть.

— Не замерзнем! Новую жизнь построим, и дров будет — сколько захочешь.

— Мне много не надо...

— Все леса на планете будут наши, да! — И, прикрыв плавающие глаза, декламировал странный курсант Плещеев:

Так-то, темный лес,
Богатырь Бовá!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная...

— Откуда это? — интересовалась Вера.

— Кольцов это! Какой поэт! А вот из книжки «Будем как солнце» Бальмонта...

— Бальмóнта, — поправила Вера.

— Да? Ну пускай Бальмóнт. — И, прикрыв глаза, шпарил Плещеев наизусть:

Ты мне понравилась так сразу оттого,
Что ты так девственно-стыдлива и прекрасна,
Но за стыдливостью и сдержанно, и страстно
Коснулось что-то сердца твоего...

— Ну и память у вас, курсант Плещеев, — улыбалась Вера.

А он, поощренный, еще охотней свою память, и впрямь удивительную, выказывал:

Если можешь, пойми. Если хочешь, возьми.
Ты один мне понравился между людьми.
До тебя я была холодна и бледна.
Я с глубокого, тихого, темного дна...

Тут прервал их интересную беседу курсант Лысенков — втиснулся книжки поменять. Помигал на Плещеева и уставился, как некто на новые ворота, на книжную полку. Вера помогла ему, неторопливому, выбрать книжку для чтения — «Похождения Рокамболя».

— Это очень интересно, — сказала. — Про разбойника французского. Записать вам?

Лысенков пожал могучими плечами, попытался прочесть фамилию автора: «Пон-сон дю Те...»

— Дю Террайль, — подсказала Вера. И, когда Лысенков наконец выбрался из узкой двери вон, спросила: — Ну и что же та русалка с тихого дна?

Шел холодный октябрь двадцатого года. Петроград, похоже, погружался в зиму, минуя осенние месяцы. С вечно темного, навалившегося на городские крыши неба сыпался ранний снег — днем таял, по ночам подсыпал опять. Почти не утихал резкий ветер, бороздя и возмущая Неву угрозой наводнения. Рано темнело, и были перебои с электричеством. Останавливались трамваи, всегда переполненные, обвешанные пассажирами.

Вере трамваи не требовались: от 4-й линии Васильевского острова, где она квартировала с родителями, до 11-й линии, где помещались курсы, можно было и пешком. В один из октябрьских вечеров, когда Вера возвращалась с работы, на углу Большого проспекта и 8-й линии на нее напали двое, она побежала с криком о помощи, но улицы были пустынные, те двое, матерясь страшно, догнали ее и отняли старую оконную раму, которую она несла для топки. (Эту раму, найденную на чердаке, ей Плещеев принес в библиотеку.)

С того вечера Вера — в те дни, когда приходила на работу, — оставалась ночевать в библиотеке: устроила там на деревянном диванчике лежанку. Из дому принесла подушку и мягкий коричнево-клетчатый плед.

— Папа категорически запретил выходить вечером на улицу, — сказала она Плещееву.

— Правильно, — кивнул тот. — Ничего хорошего там нет, на улице.

В тот вечер не было электричества. Вера зажгла керосиновую лампу. За окошком посвистывал ветер, швырял в темное стекло пригоршни снега.

— Говорят, в Питер к Горькому приезжал английский писатель, — сказал Плещеев, засидевшийся, как обычно, в библиотеке. — Ты слышала?

— Да, — сказала Вера. — Слышала. Завтра придется пойти в Черезутоп, просить, чтоб дрова выдали.

— Пусть отец ходит. Там очереди огромные.

— Папа заболел. И мама еле ходит. Еще ни разу дров не выдали этой осенью. Совсем с ума сошли там.

Она взмахнула рукой в сторону окошка. Плещееву вдруг ужасно захотелось поймать эту маленькую руку — поймать и не отпускать. Большеглазая девушка в синем вязаном жакете, сидевшая перед ним, отбрасывавшая странно мятущуюся тень от лампы на книжные полки, притягивала его, как север притягивает компасную стрелку. Лампа горела неровно, что-то в ней потрескивало.

Плещеев читал наизусть:

Я был желанен ей. Она меня влекла,
Испанка стройная с горящими глазами...

Метался огонек в лампе от его пылкой, нараспев, декламации. Он читал:

Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать.
Хочу упиться роскошным телом,
Хочу одежды с тебя сорвать!..

Вера вдруг встала и подошла к Плещееву, вплотную. Он вопрошающе заглянул в глаза-озера, в глубине которых мерцало что-то непонятное.

— Хочешь быть смелым, — быстро сказала Вера, — так будь...

Опыта таких отношений у Плещеева не было (если не считать единственного, в Олонце, случая, когда великовозрастная девица, помощница отца по землемерному делу, затащила его, пятнадцатилетнего гимназиста, на сеновал). Не было и у Веры — вовсе. Но то, что произошло в тот октябрьский поздний вечер на деревянном диване, при колеблющемся полусвете керосиновой лампы, стало началом их супружеских отношений.

Тут следует пояснить, что родители Веры — особенно Иван Теодорович, происходивший из старого рода остзейских немцев, — настаивали на закреплении оных отношений, а именно на регистрации брака. Когда же Плещеев обратился к началь-

нику курсов за разрешением на женитьбу, тот удивленно поднял брови:

— Да какая такая женитьба, товарищ курсант? Не старое время ноне. Свободная пролетарская любовь ноне.

И сослался товарищ Акимов на полезную в этом смысле книжку руководящей пролетарской женщины Коллонтай «Новая мораль и рабочий класс». В библиотеке курсов такой книжки не имелось, но смысл ее и так был понятен. Новая мораль — она и есть новая. Хотя Ивану Теодоровичу она не нравилась. Впрочем, у него и поэт Бальмонт был не в чести. (Иван Теодорович, если хотите знать, больше всех любил Шиллера.)

А зима надвинулась холодная и голодная. Хотя и кончилась война (на юге скинули Врангеля в Черное море, на западе — чуть было до Варшавы не доехали), недаром же песня сложилась про то, что «от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее», — кончилась, кончилась война наконец-то, а в Петрограде зима шла беспокойная. Паек срезали до полутора фунтов хлеба. И продолжали стоять на дорогах заградительные отряды — у тех, кто вез в Питер из деревни какое-никакое продовольствие, отнимали мешки по революционному декрету.

И другое дело, большое недовольство вызывал Черезутоп, то есть управление чрезвычайного уполномоченного по топливу. Если в прежнее время дров всегда хватало, на Сенной площади деньги заплатишь — тебе в тот же день привезут сколько хочешь, хоть целый воз, то теперь они, дрова, неизвестно куда подевались. Распределяли их люди хмурые и грубые, выдачи были скудные, и очень они трепали нервы обывателям. Однажды в ноябре (еще в те дни не встала Нева) объявили выгрузку дров с барок, тысячи людей работали с утра до темна на пристанях. Работал на разгрузке и Иван Теодорович. В тот безумный день, пронизанный ледяным норд-остом, он, видно, и подхватил сыпнотифозную вошь. И свалился с сыпняком — такая получилась страшная плата за разгрузку барки.

Иван Теодорович выжил: крепкий был мужчина, основательный. Но слегла его заботливая жена Полина Егоровна, и уж ее, ослабленную недоеданием и вообще трудной жизнью, сыпной тиф доконал. Перед кончиной она, глядя на Плещеева угасающими глазами, прошептала: «Веру спасите...»

Нет, Вера не заразилась, не заболела. Откуда в ней, тростиночке, столько обнаружилось жизненной силы? Бог весть. Иван Теодорович, страшно исхудавший, пытался помочь дочери. Тонким своим голосом Вера командовала: «Папа, ложись и лежи. Я сама». Растапливала буржуйку — чугунное чудо в середине комнаты (после уплотнения в девятнадцатом году им, Регелям, из четырех комнат оставили одну — правда, большую, бывшую залу с лепными гирляндами по углам потолка), варила пшеничную кашу, черный чечевичный суп. Молола в кофейной мельнице сушеные картофельные очистки — заваривала их вместо исчезнувшего колониального продукта чая. В очередях стояла за пайком — хлебом, крупой и селедкой.

А что Плещеев? Конечно же, как только получал увольнение, он мчался, быстроногий, на 4-ю линию, к Веруне (так называл он свою ненаглядную). Каждый раз приносил то пару поленьев, то обломок доски, а то — горбушку черняшки или не съеденную за обедом вареную воблу, завернутую в «Красную газету». Между прочим, в этой газете дважды уже напечатали его заметки. В них Плещеев не просто описывал, как учатся на курсах будущие командиры Красного флота, а выражал безусловную уверенность в победе коммунизма над разрухой и другими временными трудностями жизни и, конечно, над мировой буржуазией и прочими классовыми врагами. Умел Плещеев находить нужные слова для повышения революционного духа у читателей-обывателей.

Тревожная зима и курсантов подняла по тревоге. В феврале на многих заводах Петрограда начались забастовки. Рабочие на митингах требовали — от своей, можно сказать, пролетарской власти — прекратить уменьшение выдачи хлеба. Да и не только хлеба — требовали свободной торговли, свободного перехода с завода на завод. На Трубочном заводе, что на Васильевском острове, кроме пайкового вопроса, вписали в резолюцию требование *перехода к народновластию*. Это как понимать, товарищи?! Исполком Петросовета постановил закрыть завод и начать там проверку. Утром 24 февраля трубочники вышли на улицу. К ним стали прибиваться рабочие с других заводов — огромная толпа собралась на Васильевском острове на митинг, не предусмотренный властью. Это что ж такое?! Разогнать крикунов! А кого

на разгон? В гарнизоне тоже недовольство, замечено, что красноармейцы ходят по домам, предлагают что-то обменять на хлеб. Были случаи отказа от нарядов из-за отсутствия обуви, теплого обмундирования. Ну, у красных курсантов с пайком получше, и сапоги не драные, — поднять их по тревоге!

А как ощущал себя Плещеев, медленно надвигаясь в цепи курсантов с винтовкой наперевес на толпу недовольных, рассерженных людей? *Странно* было Плещееву. Неуютно как-то. Не на буржуазию шли они, курсанты, угрожая расстрелом. Не на белогвардейцев, не на врагов рабочего класса — именно на рабочий класс и надвигалась цепь красных бойцов... Черная (в бушлатах) шеренга на слитную серую массу... Только бы не скомандовали открыть огонь по братьям по классу... Кто-то зычно кричал в рупор: «Разойтись! Разойтись!»

Уж и то хорошо, что обошлось без крови. Медленно, неохотно расходились бастующие. В тот же день на экстренном заседании Петроградского комитета РКП(б) волнения на заводах были объявлены мятежом. А на следующий день, 25 февраля, ввели в городе военное положение. Покатилась волна арестов.

В Петрограде аукнулось — откликнулось в Кронштадте...

Вадим родился 1 августа того же страшного двадцать первого года. Роды были трудные. Если б не гинеколог Розалия Абрамовна, соседка со второго этажа, то, может, Вера не выжила бы. Рожала она дома. За стеной шла гулянка у Покатиловых, орали там пьяными голосами: «Как родная меня мать провожа-ала, тут и вся моя родня набежа-ала...» Под эту лихую песнь и вытащила соседка-доктор Веру с того света. С еле слышным стоном роженица открыла закатившиеся было глаза, и Лев Плещеев бросился на колени — целовать свою Веруню, — но Розалия Абрамовна твердой рукой отстранила его: «Отойдите! Дайте ей отдышаться!» Из-за стены гремело: «Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты!» И проистекал оттуда душный чад жареной гусятины...

Так он, значит, и появился на свет — Вадим Плещеев. Детство его совпало с нэповским временем: Ленинград ожил, откуда ни возмись появились за отмытыми от долгой войны витринами розовые языки ветчины, желтенькие волны французских

булок. Сосед Покатилов, в пьяном виде склонный к шумному умилению, открыл торговлю туалетным мылом и зубным порошком. И вот еще важные приметы наступившего времени: сворачивал свою пугающую (и стреляющую) деятельность Комдезертир (то есть комитет по борьбе с дезертирством), и были, ну это как вздох облегчения, сняты с дорог и железнодорожных станций заградительные отряды.

Жизнь налаживалась. На Балтийском судостроительном заводе снова затрещали давно умолкнувшие клепальные пневматические молотки. Крупные корабли страна, разоренная войной, еще не тянула, куда там, молотков пневматических — и тех на заводе всего пять штук, по одному винторезному и сверлильному станку, да и прочее оборудование если и уцелело, то «процент годности» был никудышный. Иван Теодорович Регель, строитель кораблей, мотался по новым ведомствам, выбивал для завода лимиты электроэнергии, листовое железо, инструменты — много тратил сил на преодоление некомпетентности, бюрократизма, а порой и хамства новоявленных начальников этих ведомств. Было время, он, выпускник политеха, увлеченно работал младшим помощником строителя линкора «Петропавловск». Теперь другое время настало. Истрепанный войной и разрухой флот — уцелевшие корабли — надо было капитально ремонтировать. Вот эскадренные миноносцы типа «Новик» — правильное принято решение об их ремонте, можно вытащить бывлых быстроходных красавцев с мертвых стоянок, новую вдохнуть жизнь в их ржавые корпуса. А дальше — внимание, внимание! — появился проект первенца советского кораблестроения — сторожевика «Ураган». С него-то и началось создание дивизиона хреновой (или как ее) погоды. «Новики», можно сказать, и не мечтали о такой энергетической установке, какой оснастили новые сторожевики: из двух котлов и двух турбозубчатых агрегатов.

То было начало звездного времени для советских корабелов. Иван Теодорович работал поистине с юношеским увлечением. Его голубые глаза, омертвевшие после смерти жены, снова наполнились жизнью. Он отрастил рыжую бородку. По вечерам у себя в комнате (в большой зале поставили перегородку, в одной комнате жили Плещеевы, во второй Иван Теодорович) он обдумывал какое-то новшество, рассчитывал, чертил. И вот од-

нажды, с согласия конструктора, он на строящемся «Урагане» применил вместо обычной клепки — сварку. Не удивляйтесь: во всем мире на стапелях тарахтели пневматические молотки, части корабельного набора соединяли заклепками. А тут, ниспровергая основы, рассыпала огненные искры сварка автогеном: приварили одну из палубных конструкций. Как раз в эти минуты поднялся на палубу командир будущего дивизиона, моряк бывалый и дотошный. «Эт-то что такое?» — сильно удивился он. «Новшество, — сказал строитель Регель. — Сварка вместо клепки». — «Да вы что, смеетесь? Я ваше новшество ногой соблю!» Иван Теодорович не успел его удержать. Командир дивизиона ударил ногой по свежесваренной конструкции — и заплясал от боли. С его ботинка слетела подметка...

Ворочал Иван Теодорович в толковой своей голове и другие идеи. А по субботним вечерам собиралась у него в комнатке теплая компания друзей-корабелов. Играли в умственную игру преферанс, пили чай, а то и портвейн, шутили, вспоминали былые времена.

Но жизнь, в которой плыли они, как в недостроенном корабле, опять наполнилась непредсказуемостью и тревогой. Куда-то подевалась советская дозволенная буржуазия — закрывались нэпманские лавки и рынки, снова возникла нехватка продуктов. Зато в двадцать девятом году появились карточки. Сосед по квартире Покатилов, распродав по дешевке весь зубной порошок, бессознательнопил три недели, а потом, опохмелившись чем-то едким, пошел туда, откуда и вышел, — в слесари-водопроводчики домоуправления.

После убийства Кирова в декабре тридцать четвертого покатилась по Ленинграду новая волна арестов. Докатилась и до Балтийского завода. В одну из длинных февральских ночей взяли Котова Бориса Кузьмича. Игры в преферанс у Ивана Теодоровича прекратились. Он помрачнел, осунулся. Уже не с прежним тщанием подстригал квадратную седеющую бородку. За вечерним чаем, если Вера спрашивала, как идут дела на заводе, Иван Теодорович отвечал неохотно и коротко: «Работаем. Клепаем». Иногда обращался к зятю: «Что нового в мире, Лева? В Греции что, опять военный переворот?» Плещеев отвечал раз-

ЕВГЕНИЙ ВОЙСКУНСКИЙ
БАЛТИЙСКАЯ САГА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Валерий Камендо, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.03.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 49. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ARL-41444-01-R